

Читайте романы мастеров закрученного сюжета Анны и Сергея ЛИТВИНОВЫХ:

- Осколки великой мечты
- Быстрая и шустрая
- Даже ведьмы умеют плакать
- Кот недовинченный
- Красивые, дерзкие, злые
- Боулинг-79
- Пальмы, солнце, алый снег
- Наш маленький Грааль
- Внебрачная дочь продюсера
- Ревность волхвов
- Ideal жертвы
- Золотая дева
- Я тебя никогда не забуду
- У судьбы другое имя
- Та самая Татьяна
- Мадонна без младенца
- Семейное проклятие
- Изгнание в рай
- Над пропастью жизнь ярче
- Главная партия для третьей скрипки
- Мертвые не лгут
- Девушка не нашего круга
- Я все скажу

Сериал «Авантюристка»

- Отпуск на тот свет
- Все девушки любят бриллианты
- Проигравший получает все
- Второй раз не воскреснешь
- Предмет возжеления №1
- Оскар за убийную роль
- Дата собственной смерти
- Парфюмер звонит первым
- SPA-чистилище
- Вояж с морским дьяволом
- Биография smerti
- Девушка без Бонда
- Три последних дня
- Незримая связь
- Джульетта стреляет первой
- Жемчужные тени
- Вижу вас из облаков

Сериал «Спецкор отдела расследований»

- Эксклюзивный грех
- Рецепт идеальной мечты
- Коллекция страхов прет-а-порте
- Ледяное сердце не болит
- Одноклассники smerti
- В Питер вернутся не все
- Через время, через океан

Небесный остров
Несвятое семейство
Ныряльщица за жемчугом
Десять стрел для одной
Свадьбы не будет
#останься дома и стреляй!
Смерть за добрые дела
Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания — многие печали
Вне времени, вне игры
Аватар судьбы
Успеть изменить до рассвета
Завтра может не быть
Колесницы судьбы

Сериал «Римма и Паша Синичкин, частные детективы»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний
Слишком много любовников
Почтовый голубь мертв
Грехи отцов отпустят дети
Брат ответит
Любить, бояться, убивать
Улыбка смерти на устах

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сериал «Высокие страсти»

Исповедь черного человека
Сердце бога
Бойтесь данайцев, дары приносящих
Здесь вам не Сакраменто
Тебя убьют первым

Сборники детективных рассказов

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени
Горький инжир
Карнавал насмерть
Продавец вечности

АННА и СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Ныряльщица
за жемчугом

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л 64

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *С. Курбатова*

Литвинова, Анна Витальевна.
Л 64 Нырлящица за жемчугом : роман / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-186560-3

Надя Митрофанова была счастлива: наконец-то они с Димой решили обустроить семейное гнездышко. Просмотрев множество вариантов, она нашла просто идеальную квартиру. Однако едва они переступили ее порог, Надя сразу пожалела о своем выборе — продавцом оказалась ослепительная мулатка Изабель. Естественно, Дима не остался равнодушен к ее чарам, и когда Изабель позвонила ему среди ночи, попросив о помощи, он не раздумывая помчался к ней. Как выяснилось, кто-то разбил аквариум в салоне красоты, где она работала, и выложил из мертвых рыбок фигуры синхронного плавания. Когда-то Изабель занималась этим видом спорта, но не могла припомнить ничего такого, за что ей могли бы мстить. Случилась, правда, во время соревнований в Японии одна неприятная история, она давно и думать о ней забыла. Но через некоторое время убить попытались уже саму Изабель...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186560-3

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2023
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Он смотрел ей прямо в глаза и улыбался.

Неужели живой?

*— Юра, это ты? — неуверенно пробормотала
Изабель.*

Лицо у мужчины белое как полотно, почти мраморное. Губы вроде улыбаются, но взгляд холоден, мертв.

— Юрочка, скажи что-нибудь, — жалобно попросила она.

Нет. Он — недвижим и страшен. А ее руки-ноги совсем не слушаются не то что с постели вскочить — даже отодвинуться не получалось. Оставалось только оправдываться:

— Юра, пожалуйста... Я не хотела тебе ничего плохого. Это вышло случайно, клянусь!

И все-таки как же он прекрасен. Даже сейчас, когда мертв.

— Юра, ты пришел за мной?

Ни слова в ответ. Только его руки, совершенной красоты, с пальцами музыканта, приходят в дви-

жение. Тянутся к ее горлу. Медленно, неумолимо. А сам он выглядит абсолютно равнодушным.

— Юра, не надо!

Но ладони — холодные, словно айсберги, — смыкаются на ее шее.

— Помогите! — отчаянно закричала Изабель.

И проснулась. Одна. На широкой постели. Простыни сбиты, кружевная ночнушка взмокла от пота. Три часа ночи. Время, когда виновные платят по счетам.

Можно даже не пытаться снова уснуть. Придется ждать — пока небо не окрасится жизнерадостной полоской рассвета, не зачирикают первые воробьи.

Изабель включила настольную лампу. Все равно темно, страшно! Схватила пульт «умного дома» и врубила свет во всей квартире. Сходить в гостиную, к бару? Налить себе двадцать капель, чтобы снять стресс? Она правда дала зарок, что никогда больше не будет пить, но сейчас это совсем неважно. Изабель собралась уже подняться с кровати, но вдруг вспомнила: именно там, в парадной комнате, лежал Юра. Именно там — на ее любимом кожаном диване — остывало его тело.

Нет уж. Лучше она подождет рассвета здесь.

Девушка открыла тумбочку, достала планшетник и включила его. Ей нравилось наблюдать, как грузится гаджет, как оживают «обои» — аквариум с жизнерадостными рыбками.

Но сегодня с компьютером что-то не так. Заурчал, вроде бы включился, а экран как был темным, так и остался.

— Давай, просыпайся, японская морда! — поторопила технику Изабель.

И монитор послушно вспыхнул. Только вместо умиротворяющих рыбок — девушка увидела совсем другую живую картинку. Кладбище. Зловеще торчащие кресты, могильные мраморные плиты. В сером небе каркают, вьются вороны. Пляшут синие огни. Медленно движется похоронная процессия, глухо бухает траурный марш.

— Нет... — прошептала Изабель и отчаянно вдавила кнопку выключения.

Монитор мгновенно погас. Но теперь ей показалось, что мрачная музыка играет где-то в недрах квартиры, и она завопила во весь голос:

— Нет, нет!

В огромном зеркале, наискосок от кровати, мелькнула тень. Юра здесь?!

Девушка упала на постель, накрылась с головой одеялом, зажала уши. Она больше не может! Лучшее — смерть, чем здесь жить!!!

Пусть говорят, что убежать от мертвеца невозможно.

Однако она все равно попробует.

ГЛАВА 1

Надя с Димой по московским меркам считались богачами — у каждого в собственности имелось по квартире. Но жили они на территории Митрофановой. Вот Надя и придумала сдавать жилплощадь журналиста. Чего квартирке пустой стоять? Да и спокойнее, когда Димка лишен своей холостяцкой берлоги. А деньги — можно, например, на отпуск откладывать.

Однако Полуянов — как только Надя нашла жильцов — немедленно помчался в автосалон и уже вечером (вот спонтанный человек!) катал ее на новенькой «Мазде». Целовал свою подругу, хвалил, восхищался:

— Какая ты умница, Надюшка! Мечту мою исполнила! И семье — материального урона никакого.

Покупка иномарки и правда никакого ущерба их бюджету не нанесла. От жильцов деньги получили — кредит погасили. Но только Димка теперь на классном автомобиле пижонит, в ко-

жаном салоне расслабляется — под музыку из шестнадцати колонок, а Наде достались все хлопоты с арендой. Выбирает жильцов (за год трое сменилось), оформляет им регистрацию, следит, чтоб квартиру не «убили». Да еще Димка упросил налоговую декларацию вместо него заполнять: «А то я в этих бумажках обязательно что-нибудь напутаю!»

И Митрофанова — как истинная жена декабриста! — безропотно взяла на себя новую заботу — управлять Димкиной недвижимостью.

По мелочам Надежда жильцов старалась не дергать — особенно в конце месяца, когда подходило время платить по Димкиному кредиту. А то было как-то раз: квартиранты распсиховались и съехали в один день, не заплатив ни копейки. Вот была ситуация: из банка угрожающие эсэмэски шлют, на работе, как назло, зарплату задерживают, и Димуля в командировке.

Сегодня очередная напасть: позвонила бабуля из квартиры снизу. Потолок у нее якобы рушится, и она уже готова вызывать полицию, спасателей и комиссию из ЖЭКа.

Впрочем, после Надиных наводящих вопросов выяснилось, что пока на потолке всего лишь трещинка толщиной с волос.

— Но имеется отчетливая тенденция к увеличению, — важно изрекла бабуленция. — Явно, Надежда, твои жильцы напортачили. Так что приезжай, разбирайся с ними, пока они весь дом не порушили.

Вот и пришлось, вместо того чтобы Димочке ужин разогреть, да и самой после работы поблаженствовать — в мягком кресле, с бокалом вина, — тащиться в самый час пик на другой конец Москвы. Хотя, скорее всего, у соседки просто побелка на потолке облупилась.

Арендатором у них сейчас — средних лет жизнерадостная дама. Вроде бы — как те же бабульки докладывают — не пьет, не курит, оргий не устраивает. Одна проблема: очень неугомонная тетенька, все себя ищет, порхает:

— У меня, Надечка, столько *бизнесов*, столько планов!

И йога-клуб планирует открывать, и кулинарные курсы, и интернет-магазин, и прямые поставки в столицу фермерских продуктов.

Надя еще пошутила, когда договор аренды подписывали:

— Главное, производство мебели не открывайте. В нашей квартире.

— Что вы, милая! — расхохоталась дама. — Я — человек исключительно умственного труда!

...Однако сейчас жиличка явно затеяла что-то *рукотворное*. Как только Надя заскочила в подъезд, консьержка тут же доложила:

— К вам в квартиру пару дней назад какие-то ящики заносили. И мешки.

И трещина на потолке в квартире снизу тоже имелась — не наврала старушка.

А когда Митрофанова попыталась отпереть дверь своим ключом, вдруг обнаружилось, что замок поменяли. Просто неслыханно!

Что происходит на жилплощади Полуянова?! И что теперь делать? Бежать к участковому? Или прежде посоветоваться с Димкой?

Но продумать тактику она не успела — за спиной тяжело охнул лифт, прозвенело ругательство, и Надежда в изумлении увидела, как жиличка самолично волочет по коридору огромную, литров на десять, емкость, типа большого ведра, а на боку бадьи горят красным цветом угрожающие буквы: «СЕЛИТРА».

Надя в ужасе отступила. Однако дамочка насколько не смутилась. Наоборот, хмуро взглянула на девушку и возмущенно проговорила:

— Вы почему без предупреждения приезжаете?!

— Что тут у вас... — начала было Надя.

Но жиличка уже спиной к ней повернулась, отперла квартиру, затолкала туда ведро с селитрой, да еще и дверь попыталась захлопнуть перед Надиным носом:

— Мы с вами на сегодня не договаривались! А незваный гость, сами знаете, хуже татарина!

«Иногда нужно просто дать в глаз!» — вспомнила Надя совет Полуянова и, решительно рванув на себя дверь, оттолкнула арендаторшу.

Опасливо обошла емкость с селитрой, кинулась в комнату и застыла на пороге как вкопанная. Прямо посередине — где раньше стоял обеден-

ный стол — ряды заполненных землей мешков. Много, не меньше пятидесяти. Угрожающе возвышались с десятков больничных капельниц, и из каждой в почву стекала какая-то подозрительная жидкость. А в маслянистом, сочном черноземе отчетливо виднелись слабые темно-зеленые ростки.

— Ч-что это? — в ужасе выдохнула Митрофанова.

— Клубника, — буркнула арендаторша, как-то сразу поутратив свой пыл.

— Что?! — Надя никак не могла прийти в себя.

— Фрукт, блин! То есть ягода! Доход от сорока тысяч в месяц пообещали! — Тетка устало опустилась на пол, облокотилась на один из мешков и, с тоской глядя на Надю, вздохнула: — Но набрехали, похоже. Эту клубнику, так ее растак, пока вырастишь, с ума сбрендишь. Свет, оказывается, надо какой-то специальный, опылять ее, удобрять. Один расход. Так что, прошу пардон, за аренду в этом месяце я только половину заплачу. Все на развитие производства ушло, — не удержавшись, ухмыльнулась она.

— Вы с ума сошли! — наконец заговорила Надя. — Немедленно, слышите, немедленно! — вывозите отсюда всю эту дрянь! И сами съезжайте! Ч-чтоб с завтрашнего дня вашего духу тут не было!

— Да? — окрысилась дама. — А кто мне затраты компенсирует?! Мешки, почва, дренажная система, удобрения?!

— Да вы бы лучше... для мозгов себе удобрения купили, — тоже взвилась Митрофанова. — Как только в голову могло прийти?! В московской квартире, прямо на полу — огород разводить?!

— Но жить ведь как-то надо, — примирительно произнесла жиличка. — Это вам, москвичам, хорошо: сдаете себе недвижимость в аренду да жируете. — И посмотрела осуждающе, будто самолично Надя во всех ее бедах виновата.

Жаль непутевую. Да и клубнику, едва выползшую из земли, тоже. Но другого выхода не было: предприимчивую даму надо немедленно гнать, а плантацию — уничтожать. Ох, непросто будет...

И такая вдруг злость накатила! Почему она должна разбираться с недвижимостью Полуянова, в то время как ее законный хозяин расслабляется после трудового дня, причем в ее квартире? И ест отбивные гриль, которые Надя вчера приготовила!

Очень хотелось немедленно позвонить сердечному другу и закатить ему скандал. Впрочем, ладно. Поругаться они и дома успеют.

Дмитрию Полуянову предстоял одинокий вечер на диване. Когда-то — лет в восемнадцать! — праздное времяпрепровождение перед телевизором он презирал. Но сейчас — старость, что ли, подкралась? — предвкушал его почти с удовольствием. Как разогреет стготовленные Надюшкой отбивные с овощами гриль, прихватит из холодильника ледяное пиво —

и развалится перед зомбоящиком. Митрофанова что-то еще там пиццала про салат, который надо заправить, и жульенчик, но Дима, пока нарезал вокруг дома круги (с парковкой, как обычно, беда), решил: он ограничится *основным блюдом*. А *излишествами* пусть его Надюха кормит. Когда вернется.

Представил сердитое личико Митрофановой, ее возмущенный, немного учительский голосок: «Ну, Дима-а! Совсем, что ли, ребенок, все тебе подать-принести надо?» Хмыкнул. На самом деле Полуянов (зря, что ли, столько лет холостяковал?) готовил недурственно. И полы умел мыть (в армии натаскали!). Но смысл: крушить гендерную модель? Как-то изначально у них с Надюхой повелось: он — глава и кормилец. А она — хлопает над ним крылышками, обеспечивает уют. Вот и пусть колдует над своими сковородочками-подушками-занавесочками.

Тем более что Митрофанова *хранить очаг* обожает. И даже слишком, на его взгляд, усердствует. Пока Дима Надежду лишь навещал — ночевал в неделю несколько раз, а остальное время проводил в своем холостяцком логове — ему, в целом нравились безупречная чистота, кружевные салфетки и даже пять подушек, по линейчке расставленных на диване.

Но теперь, когда они уже больше года живут вместе, Полуянову стало хотеться взорвать царивший в квартире Митрофановой махровый социализм. Одна старомодная «стенка» (еще от

Надиной мамы осталась) чего стоит! А хрусталь, гордо выставленный напоказ за стеклянную дверцей «горки»? Спасибо, хотя бы уговорил подругу ковер со стены снять.

А более серьезные инновации Надежда производить отказывалась. Да и не помогут здесь полумеры. Надо всю мебель — на свалку, а потом полный ремонт. Но вкладываться в малогабаритную «двушку»? Да еще в ветхом панельном доме?! Кухня — крошечная, подъезд — загаженный, трубы ржавые. Машину поставить некуда. Вон, опять пришлось почти пятнадцать минут колесить, прежде чем втиснулся.

Желудок совсем подвело. Полуянов решил, что ужин даже разогревать не будет, съест холодное мясо с холодными же овощами гриль — очень побуржуазному.

Он торопливо отомкнул дверь — и отшатнулся. Полы почему-то влажные, воздух тяжелый, словно в парилке. Но самое поразительное: Надькин дряхлый пес Родион (избалованная, очень толстая такса) встретил его отчаянным скулежом — и откуда! Пес сидел на довольно высокой — метр, не меньше! — тумбочке для обуви, хотя обычно и по ступенькам лапы еле-еле передвигает. Как он туда забрался?

— Что здесь произошло, Родион? — строго спросил Дима.

— Ву-у-у-у! — жалобно отозвалась псина, мотнула головой в сторону кухни и посмотрела на него с неприкрытым сочувствием.

Полуянов, не разуваясь, двинулся туда. По пути заглянул в ванную комнату. А там — елочки зеленые! — совсем уж удушающая жара и по щиколотку воды, от которой поднимался пар и в которой, будто айсберги, плавали яблочный огрызок, его любимый Пушкин 1911 года издания и трубка городского телефона. Первым делом Полуянов бросился к книжному раритету — но Александра Сергеевича с прихотливыми «ятями» было уже не спасти. Дернул же лукавый вчера вечером взять с собой в ванную антикварную книгу! И Надька тоже хороша, не могла с утра убрать!!!

Дима метнулся в кухню — та тоже оказалась затоплена. Проверил обе комнаты — здесь полы были только чуть мокрые, но паркет все равно успел вздуться, а обои — отклеиться. И жара, жара — несомненно, прорвало трубу именно с горячей водой. А где? Ага, вот. В туалете. В месте стыка практически разошлась. Дырища огромная. Ничего себе, отсюда хлестало! Пока, видно, во всем доме воду не перекрыли.

Полуянова охватило раскаяние. Надька давно уже намекала, что хорошо бы сменить отжившие свой век трубы, но у Димы так и не нашлось времени на скучную хозяйственную повинность. Тогда Митрофанова сама купила на рынке комплектующие и наняла каких-то сомнительных узбеков. Дима посмотрел на их работу и сразу отметил: халтурно, на «живую нитку». Но понадеялся, авось пронесет.

Не пронесло.

— У-у-у!.. — продолжал жалобно скулить из прихожей Родион, видимо, боясь слезть с тумбочки.

Едва Полуянов подхватил псину, как в дверь забарабанили. Целая делегация! Лысый дядечка с нижнего этажа, две старушечки — тоже из их подъезда, участковый и пьяненький слесарь в грязных резиновых сапогах — этот, не спрашивая позволения, сразу пошлепал в сторону туалета.

Остальные остались в коридоре.

— Вы только гляньте! У них самих — и нормально все! — гневно выкрикнула одна из старух.

— Стоит, улыбается — будто ничего не случилось! У, глаза бесстыжие! — тут же подхватила вторая.

— Не то что у нас. Карфаген, руины! — трагически проговорил лысый дядечка.

Слесарь же, высунувшись из туалета, возвестил радостным тоном:

— Труба у них нештатная, так что ДЭЗ ответственности не несет! — И с деловым видом повернулся к Полуянову: — Гостей столицы нанимал менять? Ну, дурак!

— Да, парень, — вздохнул участковый, — похоже, ты на большие деньги попал. Три квартиры затоплены. У жильцов под вами с потолка аж хлестало — до тех пор, пока во всем доме воду не перекрыли. А у них — свежий евроремонт.

Ох, как же хотелось Полуянову заорать, что он не имеет никакого отношения к этим трубам.

И к этой квартире. И еще — он страшно голоден. И устал. И жаль ему не чужого евроремонта, и даже не Надькиного паркета, а раритетного Пушкина... И вообще, пошли все отсюда прочь! Он не приспособлен к хозяйственным делам, Надька придет — с ней и ругайтесь.

Но только, увы, он был главой семьи, мужчиной, и разбираться с внезапно нагрянувшей проблемой предстояло именно ему.

Полуянов распахнул дверь, голый по пояс и с бутербродом в руке. Надя первым делом отметила, что на пол летят крошки — и лишь во вторую очередь разглядела страшно вспучившийся паркет и отставшие обои.

— Что *ты* здесь натворил? — ахнула она.

Димка не ответил. Хозяйским жестом притянул ее к себе, чмокнул в щеку и лишь потом беспечно произнес:

— А, ерунда. Был небольшой потоп. Но я все уже убрал.

Митрофанова обвела свои владения растерянным взглядом. Прищурилась на некогда ослепительно-белый пуфик — теперь он был весь в потеках. Когда перевела взгляд на Полуянова, глаза ее метали молнии:

— Ты уходил после меня. Забыл закрыть кран?!

— Ну, ничего себе! Я тут мечусь как белка, устраняю последствия, а ты сразу с наездами! Все я закрыл! Это *твою* трубу прорвало. — И, не

удержавшись, укорил: — Ту самую трубу, что тебе гастарбайтеры поставили. Говорил же, не связывайся с ними! Я бы сам все сделал!

— Когда? Когда бы ты сделал? К чемпионату мира по футболу? Восемнадцатого года?

— Да ладно, — попытался пошутить Дима, — к следующему чемпионату Европы все бы было готово!

— Теперь весь паркет надо перестилать! И обои переклеивать! — зашипела Надя. Бросившись в кухню, выкрикнула оттуда жалобно: — И гарнитур новый покупать!

— Ну и ладно, все равно давно пора было ремонт делать, — беспечно отозвался Полуянов. — Теперь хотя бы повод появился.

— Да? А кто будет заниматься всем этим? И где деньги брать?! — продолжала бушевать Митрофанова.

А ведь он еще не сказал ей, что соседи — из трех квартир снизу — собрались им иски предъявлять за испорченное имущество.

— Что ты, Дима, за человек! — плачущим голосом продолжала подруга. — Думаешь, самый гений, да? Я, мол, сижу, творю, а все остальные — пусть за мной конюшни расчищают?

— Какие еще конюшни?

— Авгиевы, — отрезала Надя. — Но теперь все, хватит! Надоело! И клубнику из своей квартиры сам выноси! Как знаешь!

— Чего выносить? — удивленно вскинул брови Полуянов.

А Надюха — бессильно опустилась по стеночке и отчаянно разрыдалась.

Ох уж эти женщины! Подумаешь, квартиру залило! Событие — в сравнении с ежедневной лентой новостей — скучнейшее, заурядное. А она рыдает, будто умер у нее кто-то.

Как же она любила Полуянова! Когда-то. Но сейчас не просто выгнать его была готова, но даже убить. Собственными руками. Обломком той самой трубы, которую она умоляла починить как минимум в течение года. Но нет, у Димки постоянно творческий поиск, командировки. А когда вдруг свободное время выпадет, все равно он не снизойдет до каких-то проржавевших коммуникаций.

Надя на своей работе в научной библиотеке давно привыкла к отрешенным творцам, настолько не от мира сего, что не умели мобильными телефонами пользоваться и могли в читальный зал в пижамных брюках явиться — потому что над монографией задумались и забыли одеться. Но дело в том, что ее-то самую никогда не привлекала участь сиделки при гении. В Димке она полюбила в первую очередь защитника. Мужчину. Надежду, опору. И Полуянов, худо-бедно, с ролью главы семейства справлялся. Пусть без «золотых гор», но их ячейку общества обеспечивал. И хулиганов, когда Димочка рядом, можно было не бояться. И ухаживать он умел. И в ванну с шампанским однажды ее затащил. И весело с ним. Но вот его